

I. История

УДК 93

«БЕЗДАРНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ» РУССКОЙ АРМИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА

Константин Геннадьевич Войтехович,
магистрант Белорусского государственного университета
E-mail: ariman233@rambler.ru

В статье рассматривается один из укоренившихся мифов Первой мировой войны – о «бездарных генералах» Русской императорской армии.

Ключевые слова: Русская армия, Первая мировая война, генералитет.

В историографии существует традиция, согласно которой, первое высказанное мнение становится, если не господствующим, то, по крайней мере, получает в последующих трудах большую долю внимания и определенную степень доверия.

Однако, такой подход чреват определенной долей опасности, так как любое воспоминание очевидца или мнение современника событий неминуемо несет в себе значительную долю субъективизма, даже при условии отсутствия целенаправленных попыток искажения реальности, чего на практике полностью исключить нельзя никогда. Современники эпохи, в которой произошли события, неминуемо остро испытывают на себе влияние этих событий, что подчас направляет их мысль в строго определенном направлении. Тем не менее, их выводы составляют основу историографической базы и используются затем многими поколениями историков. Для пересмотра созданных таким

путем мифов и появления более взвешенных исследовательских оценок необходимо определенное время, обычно жизнь нескольких поколений.

Одним из наиболее ярких примеров такого образа возникновения и культивирования исторических мифов является история оценки военной элиты Российской императорской армии времен Первой мировой войны. Здесь можно увидеть действительно активное мифотворчество, связанное, как с объективными, так и с субъективными причинами.

Хронологически первыми оценили царские офицерство и генералитет в своих трудах и речах деятели большевистской партии и Красной Армии, такие, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, И.Н. Смирнов и М.Н. Тухачевский [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. После окончания распада Российской императорской армии и, начавшейся фактически параллельно с этим процессом Гражданской войны, большевикам необходимо было решить, кого привлекать для строительства новой армии, и на каких должностях следует использовать. По данному вопросу в партии развернулась жесткая дискуссия, приведшая, в конце концов, к партийному расколу на VIII съезде РКП(б).

Любопытно что, как члены блока «военной оппозиции», выступавшие за ограничение использования военных специалистов лишь штабными и прочими специальными должностями, так и «партийное большинство», считавшее придание командирской власти военным специалистам необходимой мерой, примерно одинаково оценивало старшее поколение офицеров, в том числе и генералитет, считая их неспособными к активным действиям. М.Н. Тухачевский, кадровый офицер царской армии, экспертного мнения которого запросило большевистское руководство, пришел к аналогичным выводам, указав, что наиболее полезная и активная часть кадровых офицеров – молодежь, «ушла к Деникину».

Однако стоит учитывать, что это была не официальная научная или политическая позиция, а лишь мнение верхушки партии большевиков, к тому же, оценивающих не конкретно российский генералитет, а кадровый офицерский корпус в совокупности.

Среди мнений с белой стороны, высказанных непосредственно в годы Гражданской войны, хочется выделить показания адмирала А.В. Колчака следственной комиссии в Иркутске [8]. Бывший «Верховный правитель России» признается в том, что не разбирался в политике до Февральской революции 1917 г. и не был близок к правящей династии. Вместе с тем он считает русский генералитет склонным соблюдать данную присягу. Из равновесия его вывело лишь убеждение в недееспособности последнего имперского правительства. Вслед за этим последовали революционные изменения, ставшие причиной

дезориентации и «морального развала» как генералитета, так и в целом офицерства.

Взвешенные собственно исторические оценки высшего командного состава российской армии в годы Первой мировой войны появились в СССР позднее, уже после окончания Гражданской войны, когда появилась необходимость в систематизации и обобщении военного опыта.

Первыми исследователями выступили бывшие кадровые офицеры, служившие большевикам в годы Гражданской войны. Так как одно военное время некоторое время назад закончилось, а на горизонте маячили новые военные конфликты, необходимо было подробно рассмотреть командный состав царской армии и сделать определенное заключение.

Одним из первых это сделал известный еще во времена Российской империи военный историк, генерал от инфантерии А.М. Зайончковский в своем фундаментальном и до сих пор считающемся классическим труде «Мировая война 1914–1918 гг.» [9]. В данной работе автор выдвинул схему, которая, затем, на протяжении многих лет господствовала в историографии. Согласно данной концепции: «русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств».

Эта формулировка фактически делала высший генералитет Российской армии виновным в военных поражениях Первой мировой войны. Старшие генералы обвинялись в неумении управлять крупными массами войск, нежелании продолжать свое военное образование после окончания Академии Генерального штаба. Также критиковалась сама система подготовки и продвижения военных кадров, принятая в Российской империи. А.М. Зайончковский отмечал оторванность преподаваемой в Академии Генерального штаба, кузнице командных военных кадров, теории от практики. Подвергалась критике и практика выдвижения чинов, длительное время прослуживших на полицейских, хозяйственных и административных должностях на командные строевые должности, что, несомненно, ухудшало качество командного состава. То, что у этого критического взгляда на подготовку генералитета русской армии есть реальные основания, подтверждается тем, что проблемы, выделенные А.М. Зайончковским, во многом повторяют те, что были выделены известным военным деятелем А.Н. Куропаткиным по итогам русско-японской войны еще в годы существования Российской империи [10].

Одновременно утверждалось мнение о более высоком уровне подготовки младшего генералитета и старшего офицерства, категорий

военнослужащих, которые впоследствии активно участвовали в военном руководстве обеими сторонами конфликта в ходе Гражданской войны в России. Это утверждение военного историка в целом совпадает с вышеупомянутыми высказываниями коммунистических лидеров времен Гражданской войны.

Выводы А.М. Зайончковского во многом подтверждаются таким историческим источником, как воспоминания Маршала Советского Союза, Б.М. Шапошникова, написанным в годы Второй мировой войны [11]. Вспоминая свое обучение в Академии Генерального штаба, Борис Михайлович свидетельствует как о нечеткости военной доктрины и пришедшуюся как раз на время подготовки к Первой мировой войне смену ориентации с французской военной школы на немецкую, так и о сложности восприятия новых идей в подготовке командного состава. Это, в свою очередь, породило отличие и противоречие в подготовке «старших» выпускников Академии, занимавших в годы Первой мировой войны высшие командные должности от подготовки «младших» выпускников, занимавших в основном штабные и средние командные должности. Эти различия могли и привести к противопоставлению в историографическом анализе этих двух категорий командного состава.

О проблемах в военной доктрине свидетельствует и, вышедшая в середине 20-х гг., работа бывшего главкома И.И. Вацетиса «О военной доктрине будущего» [12]. Как прямо, так и между строк, читается явная неудовлетворенность автора порядками, существовавшими в царской армии. Средством устранения данных пороков И.И. Вацетис считает скорейшее внедрение в управление армией и ведение войны самых новых методов и самой совершенной военной техники, значение которых игнорировалось в предшествующую эпоху.

Стоит отметить также мемуары вернувшегося в СССР белого генерала Я.А. Слащева [13]. Несмотря на отсутствие общей характеристики генералитета Первой мировой войны и белого командования Гражданской войны, авторская позиция хорошо видна по характеристикам, щедро раздаваемым отдельным генералам. Они предстают, в основном безынициативными, недостаточно образованными вояками, неспособными к творческому военному мышлению.

Но ни все советские авторы были настолько категоричны по отношению к русскому генералитету времен Первой мировой войны. В особенности это относится к бывшим генералам-мемуаристам, людям, имевшим возможность наблюдать в годы войны высший командный состав изнутри. В первую очередь это относится к воспоминаниям известнейшего русского генерала А.А. Брусилова, командовавшего в годы войны армией, фронтом, и ставшего в 1917 г. Верховным главнокомандующим [14].

А.А. Брусилов с самого начала войны имел достаточно высокий статус и относился к старшему поколению генералов, из чего следует его высокая осведомленность о проблемах и нуждах российского генералитета, знание его внутренней структуры и иерархии. Мемуары содержат характеристики таких известных военных деятелей, как В.А. Сухомлинов, Н.И. Иванов, Н.В. Рузского, Л.Г. Корнилов, великий князь Николай Николаевич и, наконец, сам император и Верховный главнокомандующий Николай II.

Однако, воспоминания А.А. Брусилова в полной степени страдают таким частым недостатком, присущим мемуарной литературе, как субъективность. Оказывавший А.А. Брусилову поддержку в ходе его карьеры великий князь Николай Николаевич, представлен, насколько это было возможно в советское время, с положительной стороны. В то же время конкурировавшими с ним в разное время Н.И. Иванову, Н.В. Рузскому, А.Е. Эверту, М.В. Алексееву и А.Н. Куропаткину даются, хоть и взвешенные, но не слишком положительные характеристики. Л.Г. Корнилов, подчиненный А.А. Брусилова в 1915 г. и конкурент в 1917 г., характеризуется как не слишком способный и надежный, но храбрый и популярный среди подчиненных командир. А.М. Каледин предстает честным военным, но не слишком умным человеком. Вместе с тем, А.А. Брусилов не забыл подчеркнуть важность фактора собственного руководства в победах русской армии.

А.А. Свечин, виднейший советский военный ученый 1920–1930-х гг., также уделил в своей работе «Искусство ведения полка по опыту войны 1914–1918 гг.» достаточно внимания высшему командному составу русской армии [15]. В целом, подтверждая описанные выше рассуждения А.М. Зайончковского о недостаточной военной квалификации многих российских генералов, А.А. Свечин, тем не менее, описывая качества конкретных командиров, косвенно дает понять, что это лишь правило, из которого был ряд исключений.

В целом, в советской историографии 1920–1930-х гг. высший командный состав русской армии времен Первой мировой войны предстает пассивным, не умеющим контролировать большие массы войск на войне и личный состав армии в политическом плане. Также генералитету ставилось в вину недостаточная компетентность и образованность собственно в военном деле, ставшая причиной ряда ошибок и крупных военных поражений. Причем, указанные недостатки возрастали с увеличением должности и чина генерала.

В то же время, негативная оценка русского генералитета времен Первой мировой войны в работах советских авторов не была ни случайной, ни лишь плодом идеологической борьбы. Чтобы понять это, достаточно ознакомиться с трудами эмигрантских авторов, обративших на российский генералитет даже более пристальное внимание.

Причем, стоит оговориться, что если большевики считали историю Первой мировой войны хоть и недавней, но, все же, историей, то эмигранты ощущали свою преемственность с Российской империей и ее вооруженными силами.

Первыми высказались мемуаристы. Так, А.И. Деникин начал свои воспоминания с описания развития армии в начале XX в., ситуации в ее командном составе и имевшихся в армии противоречиях [16]. Мемуарист в целом стремится оправдать российский генералитет, указывая, что, несмотря на наличие существенных недостатков, он был лоялен царю и честно исполнял свой долг. Распад армии и ее офицерского корпуса случился, по мнению А.И. Деникина, по вине политического руководства страны. Сначала царь неумело руководил армией и не смог наладить стабильность правительства, что подтолкнуло генералитет к идее его смещения. Затем Временное правительство своей неумелой и непоследовательной кадровой политикой сломало командную иерархию и дисциплину в армии.

Отчетливо показывают всю массу противоречий внутри русского генералитета в годы Первой мировой войны воспоминания бывшего русского военного министра и одной из знаковых фигур в русской армии, В.А. Сухомлинова [17]. Несмотря на несколько иную расстановку акцентов, его мнение во многом созвучно с мнением А.А. Брусилова. И тот, и другой показывают генералитет расколотым на ряд конкурирующих групп. Показательно также, что одной из главных проблем русской армии В.А. Сухомлинов считал наличие значительного числа представителей царской фамилии на генеральских должностях.

Подробную картину состояния русского генералитета в начале XX в. описал в работе «История русской армии» А.А. Керсновский [18]. Признавая за генералитетом русской армии богатейшие культурные и военные традиции, он дает ему, скорее, негативную оценку, созвучную с оценкой с А.М. Зайончковского, указывая, что трудности возрастали на высших этажах командной лестницы. А.А. Керсновский отмечает отсутствие признанного лидера среди генералитета, его политическую безграмотность, неумение командовать крупными массами войск в военное время. Однако, исследователь демонстрирует более лояльное отношение к молодым командирам, особенно тем, которые ярко проявили себя в Белом движении, отмечая их способность решительно действовать и умение влиять на подчиненных.

Более глубоко на проблему поражения России в первой мировой войне попытался взглянуть генерал-лейтенант царской армии Н.Н. Головин [19]. В своем труде - «Военные усилия России в Мировой войне» - исследователь попытался выделить полный комплекс

экономических, политических, социальных и культурно-психологических сложностей, с которыми пришлось столкнуться Российской империи в ходе войны. Нашлось место и характеристике генералитета. Н.Н. Головин показал тот упадок духа, который наступил, прежде всего, на самой высоте командной лестницы после поражений 1915 г. Но это, скорее, не причина поражений, а их следствие.

Очень критичное мнение на российский генералитет, во многом явившейся реакцией на последовавшие за неудачами России в первой мировой войне события, высказал генерал-майор В.Е. Флуг [20]. Будучи в чем-то созвучным с наиболее критичными высказываниями советских исследователей, он прямо обвиняет высший командный состав в нерешительности и оторванности от реальной боевой практики, что, по мнению исследователя, и стало причиной неудач на полях сражений. Лекарством от этого недуга, по мнению автора, могло стать искусственное ограничение офицерского корпуса, особенно высшего командного состава, в замкнутую касту.

Эмигранты старались, если это было возможно, подчеркнуть славные традиции российской армии и отметить, если это было уместно, качественные действия русских генералов в годы Первой мировой войны. Так, П.Н. Краснов ностальгировал об образцовом порядке в старой царской армии [21], Б.А. Штейфон написал статью, восхвалявшую действия Н.Н. Юденича на Кавказском фронте [22]. Силой личности Юденича восхищается и генерал Е.В. Масловский [23]. В эмигрантской литературе часто можно встретить восторженные отзывы о некоторых генералах, особенно отличившихся при создании Белой армии.

Не стоит, однако, думать, что генералы-руководители белого движения были абсолютно канонизированы. Разумеется, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, П.Н. Врангель и некоторые другие, пользовались огромным уважением у многих участников белого движения. Но существует, к примеру, и интересное мнение генерал-майора Ф.П. Рерберга, согласно которому, выдвижение «революционных командующих», к примеру, А.В. Колчака, стало одной из основных причин падения командной иерархии и разложения армии [24]. С этой точкой зрения был согласен и один из «революционных генералов» А.И. Деникин [25].

Что же до бывших генералов, оставшихся в Советской России и поступивших на службу к большевикам, то по отношению к ним отзывы были, в основном, достаточно критичными. Например, А.К. Геруа критично отзывался о таких бывших генералах как А.А. Брусилов, П.П. Сыгин, А.А. Балтийский, считая их авантюристами, перешедшими на службу к большевикам из карьерных соображений, не имевшими ни военных способностей, ни навыков [26].

В.В. Марушевский в своих воспоминаниях называл военного министра А.И. Верховского «истеричным мальчишкой» [27].

Можно сказать, что в 1920–1930-е гг. русскоязычная историография Первой мировой войны, переживающая время своего первого расцвета, составила определенное мнение о русском генералитете той войны. При этом негативные мнения преобладают над позитивными. То, что мнения эмигрантских писателей во многом стыкуются с мнением советских авторов, подтверждает тот факт, что это не случайность и не следствие идеологической борьбы.

Авторы, особенно в 1920-е гг., являясь непосредственными участниками событий, болезненно воспринимали случившееся с русской армией и государством. Как мемуары, так и исследования можно воспринимать как реакцию на события. О квалификации русского генералитета судили по результатам его деятельности, что не представляется совершенно правильным.

Кроме того, определенную специфику тону исследований придал и политико-идеологический фактор. Раскол в командном составе, углубившийся после Февральской и Октябрьской революций, уничтожил командный состав Российской императорской армии как сословие. Бывшие представители этого сословия вынуждены были работать в новых армиях: РККА и армиях Белого движения, идти на иностранную службу. Разбросанные по разным странам и политическим направлениям, бывшие генералы не могли вызывать сочувствия, как у самих себя и своих бывших сотрудников, так и у посторонних историков-исследователей.

Сыграли свою роль и обстоятельства Гражданской войны. Дело в том, что старшие генералы с началом российской смуты за редким исключением фактически отошли от дел, не приняв активного участия в междоусобной войне. Фигуры старших генералов, игравших ведущую роль в ходе Первой мировой войны и при подготовке к ней, оказались в тени их более молодых коллег – лидеров белого движения или наиболее активных сотрудников большевиков. Из этого был сделан вывод о пассивности старших генералов и их неготовности к политической борьбе. При этом критично были оценены и их собственно военные дарования.

В 1930-е гг. обстановка изменилась, как в СССР, так и в среде эмигрантов. Сначала в результате сочетания различных причин произошла смена поколений в РККА. Бывшие кадровые офицеры и генералы царской армии, воевавшие на командных должностях в годы Первой мировой войны, отошли от дел, уступив место солдатам и офицерам военного времени той войны, не имевшим непосредственной возможности оценить в те годы профессиональные качества высшего командного состава. Сменился политический ветер. Теперь про-

блема Первой мировой войны и оценка ее практических результатов для нужд развития Красной Армии несколько потеряла свою актуальность. Политическому руководству государства необходимы были правильные, соответствующие официальной точке зрения труды. При этом стоит отметить, что «революционные» генералы зачастую предстают молодыми, умными и активными генералами, ставшими значительной проблемой для советской власти на пути к победе в Гражданской войне.

Это хорошо видно по тону, вышедшего в 1935 г. фундаментального издания «История гражданской войны в СССР», написанного уже не военными специалистами, а профессиональными историками [28]. В этом труде генералитет Российской императорской армии времен мировой войны огульно обвиняется в бездарности, а кадровые офицеры рисуются наиболее последовательными и верными слугами царского режима. Также на основании воспоминаний эмигрантов был сделан вывод об активном участии генералитета в свержении Николая II.

Несколько поменялся и тон мемуарной литературы, что видно на примере воспоминаний бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского [29]. В этом любопытном источнике старшие генералы предстают скорее фоном, чем реальными руководителями военных действий. А.И. Верховский, бывший в первые годы войны младшим офицером Генерального штаба, всячески подчеркивает особое влияние этой категории офицеров на принятие важных стратегических решений. Что же до «революционных» полководцев, таких как М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, то они предстают хитрыми политиками и активными военными деятелями – не случайными и достойными противниками советской власти в годы Гражданской войны.

Интересны, написанные в годы Великой Отечественной войны, мемуары Маршала Советского Союза и бывшего полковника царской армии Б.М. Шапошникова [30]. Высокий статус Бориса Михайловича в Красной Армии позволил ему писать достаточно откровенно и независимо от цензуры. В целом, по воспоминаниям Б.М. Шапошникова, можно составить мнение о хорошей теоретической подготовке, которую получал каждый выпускник Академии Генерального штаба, кузницы кадров высшего командного состава Красной Армии. При этом, высказав негативное мнение относительно подготовки и личных качеств лидеров Белого движения Л.Г. Корнилова и П.Н. Врангеля, Борис Михайлович отметил авторитет, которым в довоенной русской армии обладали «неудачники» Первой мировой войны А.Н. Куропаткин и А.В. Самсонов, позже весьма часто порицаемые.

Впоследствии начавшаяся Вторая мировая война окончательно заклонила у советского общества память о Первой мировой, а представители первой волны русской эмиграции потеряли свое единство, организацию и желание вернуться на Родину. Проблема потеряла свою актуальность. После Второй мировой войны были изданы мемуары генерала М.Д. Бонч-Бруевича, мемуары советских военных начальников, воевавших в годы Первой мировой войны на младших должностях [31, 32, 33]. Однако, в них русский генералитет времен Первой мировой войны представал в достаточно трафаретном виде, не имеющим ни нужной квалификации, ни влияния на личный состав, ни умения ориентироваться в политической обстановке. При этом активные участники Белого движения и генералы, впоследствии служившие в РККА, оценивались по разным шкалам.

Изданная в 1975 г. «История первой мировой войны 1914–1918 гг.» содержала в этом смысле явное противоречие [34]. С одной стороны, отмечались положительные черты русской армии, а именно, лучшие: довоенный полевой устав; не уступающая лучшим армиям подготовка рядового, младшего и среднего командного состава; хорошая подготовка артиллерийских частей. Но высший командный состав снова представал недостаточно подготовленным. Это мнение стало общепринятым не только в советской историографии, но и упоминалось, как пример разложения войск вследствие ошибок командования, американскими военными историками.

Острая необходимость в переосмыслении исторического прошлого появилась лишь в эпоху распада СССР. С прекращением существования государства, для которого события Первой мировой войны имели острое политическое значение и сменой поколений, которые помнили эту войну и для которых она была не историей, а частью их жизни, появились условия для возрастания объективности исследований. Историкам захотелось «воскресить» русский генералитет, увидеть его истинное лицо и понять причины неудач на поле боя. Кроме того, российские историки теперь не были ограничены только советской историографией, а получили возможность ознакомиться с эмигрантской литературой.

В издаваемых монографиях, статьях, научно-популярных изданиях начинает проявляться комплексный и сбалансированный подход к выявлению личных, профессиональных и корпоративных качеств Российского генералитета. Одной из первых ласточек явилось издание в 1994 г. научно-популярного сборника «Первая Мировая в жизнеописаниях русских военачальников» [35]. В отличие от советских исторических исследований, в данном сборнике генералы предстают личностями, не лишенными полководческих способностей и организационных талантов.

Примерно в это же время начинает свои исследования истории русского офицерства известный востоковед С.В. Волков [36, 37, 38]. В своих неоднозначных и, порой, достаточно предвзятых работах, он исследует историю офицерства Российской императорской армии от возникновения офицерского корпуса, до его гибели в годы Гражданской войны. В трудах С.В. Волкова генералитет, как и в целом офицерский корпус, предстает честным и последовательным защитником монархии и государства. Исследователь прямо возлагает вину за последовавшее после падения Российской империи забвение русского генералитета и офицерства на партию большевиков и прочих социалистов. При этом справедливо отмечен определенный кризис русского офицерства, как сословия во второй половине XIX – начале XX вв.

Несколько отличную позицию занял известный московский историк В.П. Булдаков [39]. Анализируя причины революционного взрыва в армии в 1917 г., исследователь также выделяет первостепенную вину политической власти в произошедшем. Однако, в отличие от С.В. Волкова, возлагает основную вину за развал командной иерархии, приведшей к гибели армии на недееспособные имперские власти и сменивших их либералов и социалистов Временного правительства. Согласно концепции В.П. Булдакова, непоследовательные действия политических властей и ответная попытка высшего командного состава взять ситуацию в свои руки, озлобили солдат и убедили их в «заговоре генералов» против простых солдат. Это привело к выходу армии из-под всяческого контроля.

Значительное внимание российскому генералитету в своей работе, посвященной падению Российской империи, уделил А.А. Искандеров [40]. Исследователь упоминает, что неподготовленность высшего командного состава являлась страшной проблемой в годы войны. Однако, вместе с тем, ставится под определенное сомнение тезис о политической неграмотности генералитета. По мнению исследователя, он сыграл одну из ведущих ролей в подготовке отречения Николая II.

Еще дальше пошел в этом отношении Р.М. Абинякин [41]. Согласно мнению исследователя, генералитет, опираясь на контроль над разросшейся армией, был в 1917 г. одной из наиболее влиятельных политических сил. Высший командный состав выдвинул сразу нескольких претендовавших на политическую власть лидеров, одни из которых, к примеру, Л.Г. Корнилов и А.М. Крымов, полагались на харизму и свою популярность в войсках, другие, такие как М.В. Алексеев и А.А. Брусилов, рассчитывали на политический расчет и влияние на офицеров. Утрата генералитетом контроля над армией в 1917 г. не позволила осуществиться этим планам. Рассуждая в этом контексте, можно заключить, что Гражданская война, отчасти, была последней

попыткой генералитета и офицерства вернуть свое влияние в обществе и завоевать политическую власть.

Не прошла мимо внимания исследователей и тема героев и злодеев Первой мировой войны. Если в военной бездарности Николая Николаевича и В.А. Сухомлинова в последнее время все больше сомневаются, то российский исследователь С.Н. Нелипович усомнился в военной гениальности признанного героя той войны А.А. Брусилова [42]. По мнению исследователя, миф о «Брусиловском прорыве» – продукт самопиара А.А. Брусилова и стремления большевиков возвеличить перешедшего к ним на службу старшего генерала. Что до идеи наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г., то она, по мнению С.Н. Нелиповича, была разработана Ставкой Верховного Главнокомандующего и вообще не являлась прорывом в военном искусстве.

Новое мнение о политической грамотности довоенного высшего армейского руководства и степени адекватности его действий с точки зрения международной политики высказал в своей статье «Контекст одной пропагандистской акции 1914 года» О.Р. Айрапетов [43]. В данной статье доказывается, что публичные заявления военного министра В.А. Сухомлинова о боеспособности русской армии, которые ранее считались следствием легкомыслия министра и его желания выслужиться, на самом деле были органичной частью российской внешней политики.

А.И. Уткин обратил внимание на то, что во главе российской армии, в отличие от большинства других армий того времени, стояли не генералы-аристократы, а специалисты [44]. Отметил он и гигантский скачок в развитии вооруженных сил, который совершила Россия между Русско-японской и Первой мировой войнами, во многом благодаря министру В.А. Сухомлинову, которого он назвал вождем «простолюдинской» фракции российского генералитета.

Не стоит забывать, что развитие военного искусства также, во многом, напрямую зависело от высшего командования, непосредственно принимавшего решение о введении в армии тех или иных норм. В России начала XX в. военное искусство развивалось достаточно динамично, что было отмечено еще в упомянутом выше сборнике 1975 г. [45]. В современной историографии проблемами развития русского военного искусства в годы Первой мировой войны занимались такие исследователи, как В.Т. Иминов и С.Л. Федосеев [46, 47]. Исследователями отмечена способность офицеров и генералов к инновационному мышлению, ничуть не уступавшая ситуации в иностранных армиях. Что же до более значительных, чем в западных армиях проблем армии в обеспечении техникой, то они были связаны скорее с

экономическими возможностями государства, чем с просчетами генералитета при подготовке к войне.

Не осталась без внимания и проблема недостаточной активности значительной массы русского генералитета в годы Гражданской войны в России, которая, как уже упоминалось, была поднята уже в ходе этой войны. В современной историографии на этот счет сложилось два принципиальных мнения. Одни исследователи, такие, как С.В. Волков, Я.Ю. Тинченко, С.С. Войтиков [48, 49, 50], настаивают, что большая часть российских генералов не хотели служить большевикам, не разделяя их целей и не сочувствуя политике. По этой причине, даже работая на большевиков, бывшие русские генералы не проявляли служебного рвения. Другая группа исследователей, к примеру, А.В. Ганин и В.Л. Гончаров [51, 52], вслед за историками советского времени С.А. Федюкиным и А.В. Кавтарадзе [53, 54], считают, что в РККА служили, в основном, те генералы и офицеры, которые хотели там служить. Ошибки и низкую активность генералов можно объяснить нелегкой обстановкой безвременья и отличием собственно военных условий Гражданской войны от условий Первой мировой.

Как бы то ни было, исследования саратовского историка С.Т. Минакова доказывают, что царские генералы продолжали сохранять значительное влияние в РККА, особенно в первой половине 1920-х гг. [55, 56, 57].

Таким образом, оценка высшего командного состава русской армии историографией 1920–1930-х гг. имеет все черты мифа. Этот миф о недостаточной подготовке старшего командного состава русской армии времен Первой мировой войны сложился уже в ходе самой войны и был лишь закреплен в историографии 1920-х гг. и продолжен более поздними исследователями. Армия и общество обвинили генералов в поразивших империю неудачах, которые вскоре привели к ее падению. Впоследствии по политическим соображениям этот миф был поддержан – историю пишут победители, побежденные же, предстают виновниками несчастий. Современные исследования, в основном прямо не отрицая проблем русской армии и ее руководства, дают генералитету более мягкие оценки, понимая, что его недостатки вызваны не столько субъективными, сколько объективными причинами.

Как и в случае с любым другим мифом, у возникновения данного есть свои причины. Определенное единодушие эмигрантских и советских источников 1920–1930-х гг. не дает основания думать, что эти причины стоит искать только лишь в политико-идеологической сфере. Без сомнения, результаты войны были определенным шоком для всех граждан Российской империи, даже для социалистов пораженцев. Не вызывает сомнения и искренне недовольство большевиков

своими работниками-генералами. Общество, несомненно, было недовольно своими элитами, в том числе военной, и поспешило обвинить их в неудачах.

Чтобы прийти к определенному выводу, необходимо по-новому взглянуть на систему подготовки и воспитания российского генералитета, его воззрения и взаимоотношения с личным составом армии. Определенные шаги в этом направлении были сделаны авторами издававшегося в 2002–2006 гг. ежегоднике «Военно-историческая антропология». Так, Е.А. Комаровский и В.Л. Кожевин, обратив внимание на систему воспитания российской военной школы в XIX – начале XX вв., пришли к выводу о главенстве традиций в мировоззрении русского офицерства [58, 59]. Офицеры, учившиеся вместе с самого детства, были склонны замыкаться в тесную корпорацию и сохранять тесную связь между собой до конца жизни. Легко представить, каким шоком являлся для генералов распад армии, с которой они связывали все свое бытие. В этом контексте неудивительна растерянность многих в ходе революции и Гражданской войны.

Е.Ю. Сергеев обратил внимание на смену структуры военной элиты в России в XX в. [60] Если раньше элитой во многом были генералы, в разной степени приближенные к императору, то теперь это, прежде всего, были офицеры Генерального штаба. Эта корпорация отличалась консерватизмом и монархизмом, понимаемым как подчинение единому военному начальнику – царю. Падение монархии в этом контексте означало начало слома военной иерархии.

А.Б. Асташов и О.С. Поршнева обратили внимание на поведение и моральное состояние нижних чинов, в котором, в значительной степени, скрыта послевоенная ненависть по отношению к русским генералам и мнение, что у противника командный состав имел лучшую квалификацию [61, 62]. Согласно мнению исследователей, в результате тягот войны армия впала в массовый психоз. Солдаты начали повсюду видеть врагов, думать, что командование их предало. При этом немецкое командование оценивалось лучше, чем собственное. Так как эта точка зрения впечаталась в сознание значительного числа людей военного и послевоенного поколения, уместно мнение, что она во многом предопределила тон последующей, особенно официальной, историографии.

Можно заключить, что современная историография в основном пересмотрела миф о бездарности, пассивности и недостаточной военной подготовке высшего командного состава. Нет убедительных доказательств того, что русский генералитет времен Первой мировой войны был по своим военным качествам хуже, чем генералитет других ведущих европейских армий. Итоговое же поражение России в войне,

трагедия ее народа и армии представляются не следствием, а причиной создания негативного образа российского генералитета.

Примечания:

1. Бокарев В.П. VIII съезд РКП (б). М., 1990. 111 с.
2. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. М., 1996. 423 с.
3. Ленин В.И. Отношение к военным специалистам («военспецам») / В.И. Ленин // Пол. собр. соч. Т. 39. М., 1963. С. 56–58.
4. Сталин И.В. Телеграмма Ленину из Царицына от 04. 08. 18. / И.В. Сталин // Сочинения. Т. 4. М., 1946. С. 122.
5. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе): тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. 420 с.
6. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе), кн. 1: тысяча девятьсот девятнадцатый год. М., 1924. 476 с.
7. Тухачевский М.Н. Доклад о военспецах / М.Н. Тухачевский // Избранные произведения Т. 1. М., 1964. С. 27–30.
8. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. 702 с.
9. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000. 880 с.
10. Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. 590 с.
11. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды М., 1982. 558 с.
12. Вацетис И.О. О военной доктрине будущего. М., 1923. 135 с.
13. Слащев Я.А. Белый Крым, 1920 г. М., 1990. 267 с.
14. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2005. 446 с.
15. Свечин А.А. Искусство ведения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. 448 с.
16. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Минск, 2003. 464 с.
17. Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М., 1926. 334 с.
18. Керсновский А.А. История русской армии 1881-1916 Смоленск, 2004. 512 с.
19. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. 438 с.
20. Флуг В.Е. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 283–319.
21. Краснов П.Н. Военная служба в мирное и военное время // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 146–166.
22. Штейнфон Б.А. Юденич. К 25-летию штурма Эрзерума // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 127–145.
23. Масловский, Е.В. На Кавказском фронте // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 114–126.
24. Рерберг Ф.П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 52–57.
25. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Минск, 2003. 464 с.

26. Геруа А.К. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 167–191.
27. Марушевский В.В. Белые в Архангельске // Гражданская война в России: Война на Севере. М, 2004. С. 41.
28. История Гражданской войны в СССР в 5т. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции М., 1936. 350 с.
29. Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. 448 с.
30. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. 558 с.
31. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам: воспоминания. М., 1957. 357 с.
32. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1990. 544 с.
33. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1979. 704 с.
34. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. 708 с.
35. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая Мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. 400 с.
36. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. 368с.
37. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. 509с.
38. Волков С.В. Русское офицерство как культурно-исторический феномен // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 165-180.
39. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 376 с.
40. Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. 656 с.
41. Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг.: Монография. Орел., 2005. 204 с.
42. Нелипович С.Н. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в компанию 1916 года. М., 2006. С. 44.
43. Айрапетов О.Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 1. М., 2004. С. 93-134.
44. Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001. 592 с.
45. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. 708 с.
46. Иминов В.Т. Эволюция военного искусства в годы Первой Мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. №8. С. 2–9.
47. Федосеев С.Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. 579 с.
48. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. 509 с.
49. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. 496 с.
50. Войтиков, С.С. Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг. М., 2010. 480 с.
51. Ганин А.В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...». Заложничество семей военспецов – реальность или миф // Родина. 2010. №6. С. 70-75.
52. Гончаров В.Л. Царицынская эпопея в лицах: нарком Троцкий, генерал Снесарев и другие // Возвышение Сталина. Оборона Царицына. М., 2010. С. 295–352.
53. Федюкин С.А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1962. №6. С. 64–71.

54. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. 277 с.
55. Минаков С.Т. Военная элита 20-30-х годов XX века. М., 2006. 504 с.
56. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. 560 с.
57. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005. 720 с.
58. Комаровский Е.А. Воспитательные аспекты кадетских традиций в российских императорских кадетских корпусах в XIX – начале XX веков // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 195-215.
59. Кожевин В.Л. Неформальные традиции Российской военной школы конца XIX – начала XX вв. // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 216–228.
60. Сергеев Е.Ю. Представленческие модели российской военной элиты начала XX века // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 237–251.
61. Поршнева О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февр. 1917 гг.) // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 252–267.
62. Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 268–281.

UDC 93

«DULL GENERALS» IN RUSSIAN ARMY OF FIRST WORLD WAR.
HISTORY OF ONE MYTH

Konstantin G. Voytekovich
Belarus State University undergraduate
E-mail: ariman233@rambler.ru

The article is concerned with one of deep-seated myth of First World War, concerning “dull generals” of Russian Imperial Army.

Keywords: Russian Army, First World War, generalship.